

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ НЕПОНИМАНИЯ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ НА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Алексей Владимирович Ковтун

соискатель Общецерковной аспирантуры и докторантуры
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
115035, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1
ave-kovtun@yandex.ru

Для цитирования: Ковтун А. В. Филологические и теологические причины непонимания богослужебных текстов на церковнославянском языке // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2024. № 1 (10) С. 154–170. DOI: 10.31802/WI.2024.10.1.014

Аннотация

УДК 82.091 (27-5)

В статье рассматриваются актуальные причины непонимания богослужебных текстов на церковнославянском языке. Предпринята попытка построить типологию этих причин, выделив среди них их причины, связанные с нарушением норм чтения и пения, незнанием языка, некомпетентность в сфере православного богословия, а также психологической и духовной незрелостью лиц, занимающихся изучением церковнославянского языка. В итоге исследователь приходит к выводу, что только с учетом всей совокупности причин необходимо строить занятия по преподаванию древних языков и культур, в том числе и обучению герменевтике перевода сакральных текстов.

Ключевые слова: богослужение, герменевтика сакральных текстов, церковнославянский язык, непонимание, причины непонимания, типология, методика преподавания древних языков и культур.

Philological and Theological Reasons for Misunderstanding of Liturgical Texts in Church Slavonic

Aleksey Vladimirovich Kovtun

Candidate at Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies
115035, Moscow, Pyatnitskaya St., 4/2, c. 1.
ave-kovtun@yandex.ru

For citation: Kovtun, Alexey V. "Philological and Theological Reasons for Misunderstanding of Liturgical Texts in Church Slavonic". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (10), 2024, pp. 154–170 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2024.10.1.014

Abstract. The article examines the actual causes of misunderstanding of liturgical texts in the Church Slavonic language. An attempt is made to construct a typology of these reasons, singling out among them the reasons connected with infringement of the norms of reading and chanting, lack of knowledge of the language, incompetence in the sphere of Orthodox theology, as well as psychological and spiritual immaturity of individuals engaged in the study of the Church Slavonic language. As a result, the researcher concludes that it is only by taking into account the totality of reasons that it is necessary to build classes on teaching ancient languages and cultures, including the teaching of the hermeneutics of translation of sacred texts.

Keywords: divine service, hermeneutics of sacred texts, Church Slavonic language, misunderstanding, reasons for misunderstanding, typology, methodology of teaching ancient languages and cultures.

Введение в проблематику

Однажды в одной из провинциальных воскресных школ, на очередном занятии по изучению Священного Писания некий преподаватель задал слушателям вопрос: «А вы знаете, что в Библии есть молитва на снятие очков?». Собравшиеся оказались в недоумении и честно признались, что ничего подобного они не встречали. Тогда он открыл Псалтирь и прочитал на церковнославянском языке: «очи мои выну ко Господу» (Пс. 24: 15). Некоторые женщины достали ручки и уже были готовы записать эту фразу, приняв его слова за чистую монету. Однако преподаватель объяснил, что это церковная шутка, основанная на омонимичном употреблении формы русского глагола «вынимать» «выну» и церковнославянского наречия «выну», которое переводится как «всегда»...

Эта история не единична: в церковном фольклоре есть немало анекдотичных примеров того, как недостаточно образованные люди на свой лад «перетолковывают» богослужебные песнопения: «отложим по печеню» вместо «отложимъ попеченіе» (фраза из «Херувимской песни»), «я крокодила пред Тобою» вместо «яко кадило предъ Тобю» (стихира на «Господи, воззвах» на вечерне; ср. Пс. 140: 2), «Оксана в вишнях» вместо «осанна въ вышнихъ» (слова тропаря Входа Господня в Иерусалим; ср. Мф. 21: 9, Мк. 11: 10), «влез на чердак Моисей» вместо «Крестъ начертавъ Моисей» (ирмос 1-й песни Канона на Воздвижение Креста Господня) и т. д. Приведенные выше примеры являются не плодом вымысла, а реальными случаями неверного понимания текстов богослужения, которые свидетельствуют о том, к каким курьезам и несуразностям может привести невежество отдельных прихожан¹.

Впору задаться вопросом: всегда ли мы сами понимаем (и понимаем правильно!) то, что поется или читается на богослужении? Признаемся честно: ответ далеко не всегда положительный.

Попытаемся разобраться, почему это происходит. С этой целью ниже приводится разработанная применительно к данной статье типология причин непонимания, среди которых можно выделить следующие: 1) несоблюдение правил церковного чтения (пения); 2) незнание церковнославянского языка (незнание грамматики и лексики); 3) некомпетентность в сфере православного богословия и 4) психологическая и духовная незрелость.

Рассмотрим их подробнее.

1 Данные примеры заимствованы из: Ардов М., прот. Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. М.: Б. С. Г-Пресс, 2013. 376 с.

1. Причина непонимания — несоблюдение правил церковного чтения (пения)

В хрестоматийно известной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» есть примечательная фраза, которую произносит один из главных героев, Павел Афанасьевич Фамусов:

Петрушка...достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь;
А с чувством, с толком, с расстановкой².

В самом деле, определенная доля ответственности за понимание богослужебных текстов лежит на певцах из церковного хора или служителях алтаря, тех самых «пономарях», которых недобрым словом вспоминал Фамусов. И действительно, иногда мы можем встретить, как на вечерне, утрение или часах «учиненный брат», «глотаая» окончания слов, перевирая фразы, торопясь, читает тексты молитв, тропари канонов или псалмы. То же происходит, когда певчие неразборчиво и неблагоговейно исполняют православные песнопения. Таким образом, причиной непонимания богослужебных текстов может стать несоблюдение правил церковного чтения или пения.

В свое время один из выдающихся русских литургистов, Г. И. Шиманский, написал замечательное пособие «Наставление церковному чтецу о том, как читать в храме», в котором он дал много полезных рекомендаций для церковнослужителей на данную тему. В частности, он делает такое замечание: «Богобоязненный чтец знает, что и предстоящие в храме замечают его ошибки, его невнимание и проч., и могут соблазниться этим. Потому он не допускает небрежности, боится прогневать Бога. Ибо в Писании сказано: «Проклят всяк человек, творящий дело Господне с небрежением» (Иер. 48: 10). Читая в святом храме молитвословия в слух всех верующих, мы исполняем дело Божие; поэтому читай благоговейно и благообразно, внятно и неспешно»³.

Однако предположим, что чтец произнес слова тропаря с правильной расстановкой ударения (например, «прозябла» (Богородичен Часа первого), т. е. *поизрастила*, а не «прозябла», т. е. *замерзла*); «она же реста Ему» (Ин. 1: 38), т. е. *они вдвоем*, а не «она»), а хор исполнил песнопение

2 Грибоедов А. С. Горе от ума // Русская драматургия XIX века / Сост., автор примеч. С. К. Никулин. М.: Современник, 1988. С. 26.

3 Шиманский Г. И. Наставление церковному чтецу о том, как читать в храме. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. С. 3.

настолько отчетливо и плавно, что можно было слышать каждое слово (например, «Единородный сыне», а не «Выйди, народный сыне»; «Аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебе, Боже», а не «Лилуй, лилуй, лилуй, слватбебже» и т. д.).

Тем не менее содержание текстов, используемых на церковном богослужении, нам может быть все равно не ясно, если мы не знаем языка, на котором они написаны.

2. Причина непонимания — незнание церковнославянского языка

2.1. Незнание грамматики

Как известно, любой язык состоит из некоторого количества слов, употребление которых регулируется определенными правилами. Соответственно, изучение языка предполагает запоминание *лексики* и освоение *грамматики*.

Церковнославянский язык в этом отношении мало чем отличается от русского; более того, он является близкородственным русскому, что хорошо помогает при его изучении.

В частности, при изучении славянской азбуки большим подспорьем является обстоятельство, что русский алфавит возник на основе церковнославянского; есть только малое букв (в том числе: э «ять», х «кси» и з «юс малый»), которые были упразднены после известных событий 1917 года. Вместе с тем, нужно помнить, что некоторые буквы (так называемые «дублетные») имеют варианты начертания (например, буквы «о» и «е» по-разному пишутся в середине и конце слова).

Поскольку русский и церковнославянский языки похожи, знание грамматики русского языка будет нелишним при изучении церковнославянского: в них есть одни и те же части речи (существительные, прилагательные, глаголы, числительные, местоимения, предлоги, союзы и т. п.), которые склоняются (изменяются по родам, числам и падежам) и спрягаются (изменяются по лицам и числам, а иногда и по родам) *сходным образом*.

Разумеется, есть и некоторые отличия: например, в церковнославянском языке есть формы звательного падежа (например, «Отче», «Сыне», «Царю», «Господи», «Боже») или двойственного числа (например, «она же реста Ему», «обеманадесяте ученикома»), а в русском языке используется только одно прошедшее время, тогда как в церковнославянском

различают четыре (!) исторических времени: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект...

Наибольшую сложность при изучении языка православного богослужения вызывают синтаксические конструкции: громоздкие и витиеватые, они непривычны слуху прихожан, которые только начали ходить на службу. Этим объясняется, к примеру, что каноны, которые читаются на утрене, трудны для восприятия на слух.

Однако, как свидетельствуют специалисты-филологи: Наталия Афанасьева, Александр Камчатнов, Дмитрий Лихачев⁴, регулярное обращение к церковнославянским текстам позволяет привыкнуть к этому непривычному явлению.

2.2. Незнание лексики

Однако вполне можно предположить, что даже после тщательного разбора особенностей грамматики церковнославянского языка не всякий прихожанин с уверенностью скажет, что ему все понятно. По-своему, он будет прав, поскольку еще одной филологической проблемой при освоении любого языка (в том числе и церковнославянского) являются лексические особенности изучаемого языка.

Если задаться целью и выписать полностью слова из церковных богослужебных книг (Четвероевангелия, Апостола, Псалтири, Октоиха, Минеи, Часослова и пр.), получится, что все они делятся на 4 неравные группы:

1) *Слова, имеющие понятный смысл вследствие их близости по звучанию, написанию и значению с русскими* (например, «азпостоль», «благодатный», «молити»).

Вот почему значения некоторых сложных слов станут понятными, если в них выделить составные части: «храбродобропобедный» значит «храбрый» + «добрый» + «победный» или «смиренномудрие» значит «смирение» + «мудрость» и т. д.

2) *Слова, имеющие непонятный смысл, поскольку они вышли из употребления в обычной речи и сохранились только в богослужебных текстах* (например, «обаче», «ныне», «колькраты», вместо которых сейчас употребляются «однако», «впрочем»; «сейчас», «в настоящее время»; «сколько раз», «как часто»).

4 См. Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви. Сборник / Сост. Н. Каверин. М.: Русский Хронограф, 2012. 288 с.

Правда, многие из них встречаются в произведениях русской классики (к примеру, в творчестве М. В. Ломоносова или А. С. Пушкина).

Кстати сказать, учение о «трех штилях» (т. е. стилях) русского языка не потеряло своей актуальности и по сей день, поскольку все русские слова, заимствованные из церковнославянского языка, относятся к так называемому «высокому штилю», с помощью которого «составляться должны... прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных»⁵.

Соответственно, толковые словари современного русского языка включают церковнославянизмы в качестве архаизмов (устаревших названий предметов и явлений, у которых есть другие, современные названия) в свой состав с пометкой «книжное» или «высокое» (например, «око» — глаз, «шуйца» — левая рука и т. д.). И хотя таких слов достаточно много, их объяснения можно найти и в специальных словарях (например, можно воспользоваться репринтными изданиями «Церковнославянского словаря» протоиерея Александра Свирелина или «Полного церковнославянского словаря» протоиерея Григория Дьяченко, которые находятся в широком доступе как в Интернете, так и в печатном виде⁶).

3) Самой «коварной» группой лексики являются *церковнославянские слова, которые по звучанию совпадают с русскими, но имеют совсем иное значение* (их принято называть церковнославяно-русскими паронимами⁷). Так, например, церковнославянское слово «живѡт» переводится на русский как «жизнь», а русское слово «живот» имеет церковнославянский эквивалент — лексему «чрево»; «непостоснный» по-церковнославянски значит «невыносимый, нестерпимый, т. е. тот, против которого нельзя устоять», а не «переменчивый», «неустойчивый», как это слово понимается в русском языке.

Данное языковое явление нередко в церковнославянском языке, а значит «ловушки» для *псевдопонимания* подстерегают любого

5 Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под ред. проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 11.

6 См., например: Дьяченко Г., прот. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). [Репринтное издание 1900 г.] М., 2002. 1120 с.; Свирелин А., прот. Церковнославянский словарь. М.: ДАРЬ, 2008. 384 с.

7 Подробное изложение теоретического обоснования данного явления можно найти в: Седакова О. А. Предисловие // Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М., 2005. С. 7–19.

неопытного прихожанина. Впрочем, имеющийся словарь филолога, поэта и переводчика Ольги Александровны Седаковой (последний раз переиздан в 2021 г.), хотя и не лишен некоторых неточностей, призван решить проблему непонимания этой группы слов.

4) Осталось упомянуть про определенное количество слов, которые не вошли в предыдущие группы: это *слова, обозначающие предметы, явления, обычаи и обряды материальной или духовной (в данном случае — православной) культуры, а также исторические лица, факты или процессы*. В переводоведении их обычно принято называть «реалиями»⁸, «фоновой»⁹ или «безэквивалентной лексикой»¹⁰. Несмотря на некоторые индивидуальные особенности понимания данного явления названными учёными, в целом их объединяет взгляд на данную лексику как на словарный фонд того или иного языка, который помимо перевода нуждается в дополнительных *лингвокультурологических комментариях*.

Так, например, в ирмосе 4 Пасхального канона упоминается «Богоглаголивый Аввакумъ», а в Евангелии наряду с названиями реалий древнееврейской или древнеримской культуры «фарисей» (Мф. 16: 6, 12 или Лк. 18: 9–14) или «кентурионъ» (Мк. 15: 39) встречаются выражения на арамейском наречии типа: «Элои, Элои! Лама савахфани;» (Мк. 15: 34), и понять эти выражения невозможно без специального пояснения. Так, в данном случае, «Богоглаголивый Аввакумъ» — это имя ветхозаветного праведников, непорочная жизнь которого позволила ему удостоиться быть собеседником Господа; «фарисеи» — это представители одного из основных религиозных движений времен земной жизни Иисуса Христа, ведшие благочестивый образ жизни, но часто делавшие это напоказ, за что вызвали справедливый гнев Спасителя; «кентурионъ» — древнегреческое наименование воинской должности в Древнем Риме, обозначающего командира отряда в сто человек (в латинском языке звучит как «центурион»; ср. лексему «сотник»); а восклицание «Элои, Элои! Лама савахфани;», которое изошло из уст умирающего на Кресте Мессии, можно перевести как «Боже мой, Боже мой! Почему ты меня оставил?» — оно восходит к еврейскому тексту псалма Пс. 21: 1, пророчески изображающего страдания Праведника.

Казалось бы, изучение церковнославянского языка могло бы помочь понять содержание богослужебных книг и даже уменьшить количество

8 Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978.

9 Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1983. С. 59.

10 Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 2006. С. 52.

сторонников перевода данных текстов на русский язык. Однако, даже научившись читать и петь, освоив грамматику и запомнив самую распространённую лексику (а остальные неясные слова может отыскать в словаре), церковнослужитель или прихожанин все равно понимает церковные тексты не на 100%! Даже самые опытные чтецы и певцы нередко признаются, что не всегда понимают, к примеру, о чем сказано в том или ином тропаре или стихире. Проблемой тому является не филологическая, а теологическая: «темным местом» для понимания является богословское содержание песнопений.

3. Причина непонимания — некомпетентность в сфере православного богословия

В самом деле, при изучении любого языка (и церковнославянский — не исключение!) предполагается выявление так называемых экстралингвистических факторов речевого общения, т. е. внеязыковых причин, обуславливающих *выбор того или иного элемента языковой системы для успешного устного либо письменного внутри- или межъязыкового взаимодействия.*

Применительно к языку богослужения такими экстралингвистическими факторами в первую очередь будет не только обозначение связи церковнославянского языка с православной культурой, о которой говорилось выше, но и необходимость выразить в тексте вероучительные смыслы.

Так, например, в каноне Святым отцам Шести Вселенских Соборов, глас 6 (ближайшее воскресенье к 16 июля / 29 июля) встречается следующее выражение: «Христорбца прелесть изгна Нестория, Кирилъ собору начальникъ «Ясно девую Марию, исповеда Богу мать чистую» или «Твари служитель явлься, Арій безумный, Македоній паки мерзокъ явлься, в геене огненной, равно мучатся съ элины».

В целом, содержание каждого из тропарей ясно: прославляются святые отцы-обличители ересей и обличаются еретики (так, в первом тропаре упоминаются «кирль собору начальникъ», с одной стороны, и «Христорбець Несторий» и «Арии безумный», с другой). Однако без знания контекста — святоотеческого богословия — непонятно, почему Кирилл (имеется в виду святитель Кирилл Александрийский, который жил в V веке от Р. Х. и был одним из виднейших богословов своего времени, на Ефесском соборе 431 года осудивший христологическую ересь тогдашнего архиепископа Константинопольского Нестория) «ясно

девую Марию, исповеда Богу мать чистую», а также в чем именно состоит вина еретика Ария («Твари служитель явлься»), который мучается в геенне вместе с «эллины», т. е. древнегреческими философами.

Показательным примером того, к чему может привести сознательный отказ от следования Священному Преданию при понимании церковных книг, является печально известный перевод Библии на русский язык писателя, признанного классиком отечественной литературы, Л. Н. Толстого — «Соединение и перевод четырех Евангелий»¹¹.

Из воспоминаний близких известно, что он был знаком с древнегреческим языком, который изучал сначала под руководством студента Тульской Духовной Семинарии, потом самостоятельно. Однако знание грамматики и отчасти лексики (правда, неглубокое) не помешало ему сделать выбор в пользу сознательного отторжения от церковного понимания Священного Писания, отбросив из него описания Чудес, совершенных Господом нашим Иисусом Христом, Его Святого Воскресения и Вознесения, но при этом сделав акцент на этическом аспекте Его Учения.

Отсюда — еретический характер толстовского парафраза (в филологии так называют изложение текста своими словами), который получил разгромную критику в научной и церковной среде. В частности, выдающийся специалист по древнегреческому языку, российский и советский филолог-классик, переводчик, преподаватель, профессор Московского университета С. И. Соболевский заметил: «...«великий писатель земли Русской» взялся не за свое дело и потому осрамился. Когда-нибудь его книгу разберут по достоинству и предадут ее заслуженному презрению»¹².

Что касается критического разбора данного текста православными богословами, об этом свидетельствуют такие работы, как «О еретичестве графа Льва Толстого» св. прав. Иоанна Кронштадтского¹³, «Беседы о превосходстве православного понимания Евангелия сравнительно с учением Л. Толстого» митрополита Антония (Храповицкого)¹⁴ (Антоний

11 Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Серия первая: Произведения. Т. 24. Произведения 1880–1884 гг. М., 1957. С. 5–798.

12 Соболевский С. И. Граф Л. Н. Толстой как переводчик-истолкователь Св. Евангелия // Странник. 1909. Февраль. С. 191.

13 Иоанн Сергиев, прот. О еретичестве графа Льва Толстого. СПб.: Отечественная тип., 1908. 32 с.

14 Антоний (Храповицкий), архим. Беседы о превосходстве Православного понимания Евангелия сравнительно с учением Л. Н. Толстого. Изд. 2-е. СПб., 1891. 48 с.

1891), «Критический разбор Толстовского Евангелия» протоиерея Павла Алфеева¹⁵ и др.

Приведем несколько примеров.

Так, в названном сочинении Л. Н. Толстого подвергся безжалостной корректуре известный фрагмент Евангельского Пролога: «Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Бóгу, и Бóгъ бѣ Слово»; в Синодальном переводе на русский язык: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1). Писатель-еретик перевел это место следующим образом: «Началом всего стало разумение жизни. И разумение жизни стало за Бога. И разумение-то жизни стало Бог»¹⁶.

Однако перевод древнегреческой лексемы «λόγος» словосочетанием «разумение жизни» не находит никакого подтверждения для такого понимания в авторитетных словарях древнегреческого языка (например, его нет в «Греческо-русском словаре» А. Д. Вейсмана¹⁷ или двухтомном древнегреческо-русском словаре, выпущенном в СССР филологом-классиком, переводчиком И. Х. Дворецким¹⁸). И хотя сам писатель не отрицал возможности перевести это слово иначе: «Я не отрицаю никакого другого перевода; можно поставить и слово «разум» или «премудрость» и даже оставить «слово», приписав ему более широкое, не свойственное ему значение; можно даже оставить, не переводя, слово «логос»; смысл всего места будет тот же самый»¹⁹, его отказ от традиционного понимания говорит о многом. (Попутно заметим, что замена слова «было» лексемой «стало», с точки зрения грамматических и семантических норм, также неверно.)

В другом месте толстовского перевода мы читаем: «И разумение сделалось плотию и поселилось среди нас, и мы увидали учение — учение его, как однородного от отца, законченное учение богоугодения делом»²⁰. В этих словах трудно узнать церковнославянский текст

15 Алфеев П. И., прот. Критический разбор Толстовского Евангелия / Под ред. К. К. Остроумова. Рязань: Тип. Братства св. Василия, 1916. 279 с.

16 Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Серия первая: Произведения. Т. 24. Произведения 1880–1884 гг. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. С. 25.

17 Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. [Репринт 5-го изд. 1899 г.] М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 1371 с.

18 Древнегреческо-русский словарь: Около 70000 слов. В 2 т. / Сост. И. Х. Дворецкий; Под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР проф. С. И. Соболевского; С прил. грамматики, сост. С. И. Соболевским. — Москва: ГИС, 1958. 1904 с.

19 Толстой Л. Н. Там же. С. 26.

20 Там же. С. 37.

«И Слово плоть бысть и вселися въ ны́, и видѣхомъ славу Его́, славу яко Единороднаго от Отца́, исполнь благодати и истины» и его Синодальный перевод на русский язык «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как едиnorodного от Отца» (Ин. 1: 14).

Невозможно согласиться с человеком, позволившим себе огульное обращение со Священным Писанием и создавшим собственное лжеучение: вместо богословских терминов «благодать», «Слава Божия», «Единородный», описывающих Вторую Ипостась Святой Троицы Иисуса Христа, Толстой создает собственную терминологию, с помощью которой рассуждает о Нем как о некоем Божием Посланнике. Этим писатель мало чем отличается от еретика Ария, о котором говорилось выше.

Подобно многим протестантам, Толстой подвергает сомнению догмат о Приснодевстве Пресвятой Богородицы, что находит подтверждение в предложении: «И не имел [св. Иосиф Обручник] с ней [Пресвятой Богородицей] дела, **пока** (выделено нами. — А. К.) она не родила своего первого сына и назвала его Иисус»²¹. В Синодальном переводе, от которого отталкивается переводчик, эта мысль выражена иначе: «...и не знал ее, **как, наконец** (выделено нами. — А. К.), она родила сына своего первенца, и он нарек ему имя: Иисус» (Мф. 1: 25).

Одно только слово, да еще служебная часть речи, союз «дондеже» и его эквивалент в православном переводе передает смысл оригинала — греческого слова «ἕως». Ср. толкование свт. Иоанна Златоуста на данный отрывок: «Приняв же ее, не знал Ее, дондеже Она родила Сына Своего первенца (Мф. 1: 25). Евангелист сказал здесь дондеже не для того, чтобы ты заподозрил, будто Иосиф после познал ее, но чтобы ты узнал, что Дева прежде рождения была совершенно неприкосновенной. Почему же, скажут, он употребил: дондеже? Потому, что в Писании часто так делается. Это слово не означает определенного времени. Ибо и о ковчеге сказано: *Ворон не возвратился, дондеже высохла вода* (Быт. 8: 7), хотя он и после не возвратился. Также о Боге Писание говорит: *От века и до века Ты есть* (Пс. 89: 2), но тем не полагает пределов. И опять благовествуя и говоря: *Во дни его процветет правда, и будет обилие мира, дондеже престанет луна* (Пс. 71: 7), тем не полагает конца для этого прекрасного светила. Так и здесь евангелист употребил слово *дондеже*, в подтверждение того, что было прежде рождения. Что было после рождения, о том предоставляет судить тебе самому.

21 Там же. С. 47.

Что тебе нужно было узнать от него, то он и сказал, то есть, что Дева была неприкосновенной до рождения. А что [само собою] видно из сказанного как явное следствие, то предоставляет твоему собственному рассмотрению, то есть, что такой праведник (как Иосиф) не мог решиться познать Деву после того, как она столь [дивно] стала матерью, удостоилась родить неслыханным образом и произвести необыкновенный плод»²².

Итак, во всех приведенных выше примерах мы наблюдаем не просто «очередную» интерпретацию сакрального текста, а самое настоящее «антиевангелие». Данным термином известный исследователь романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргариты» Андрей Кураев²³ именуует «Пилатовы главы», в которых в ужасно искаженном виде представлена Евангельская история, — и в этом смысле парафраз Толстого мало чем от него отличается!

Таким образом, понимание богослужебных текстов во всей их полноте должно обязательно включать осмысление богословского и историко-культурного контекста, в котором создавался оригинал, а также целевой среды, в которую перевод будет интегрирован. Любая богословская интерпретация не может осуществляться в «безвоздушном пространстве», и поэтому применительно к церковным текстам такой средой будет являться Священное Предание, «жизнь Церкви в Духе Святом», как его называл выдающийся православный богослов В. Н. Лосский²⁴.

Не будем забывать, однако, что все рассмотренные выше причины непонимания свидетельствуют в первую очередь о **недостаточном уровне знания богослужебного языка**, который можно повысить с помощью различных курсов и школ, действующих в наше время. Многие из них занимаются распространением и популяризацией церковнославянского наследия русской культуры через медленное чтение библейских и гимнографических текстов, их богословский и филологический анализ.

22 *Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на Евангелие от Матфея. В 2 кн. Кн. 1. М., 2010.

23 *Кураев А. В.* «Мастер и Маргарита»: За Христа или против? 3-е изд., доп. и перераб. М., 2016. С. 90.

24 *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Пер. с фр. В. А. Решиковой, сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. М.: АСТ, 2006. С. 258.

4. Причина непонимания — психологическая и духовная незрелость

Наконец, есть еще одна немаловажная проблема, связанная с непониманием богослужебных текстов, которая должна быть рассмотрена в данной работе. К сожалению, иногда забывается, что любая (в том числе образовательная) деятельность связана с развитием личностных черт обучающихся.

Если человек *духовно и психологически не развит*, ему будет трудно при освоении церковнославянского языка, который на первых порах может восприниматься как «иностранный», чуждый сознанию русского человека язык. Так, например, и групповое, и самостоятельное изучение сложных синтаксических конструкций (например, «дательного самостоятельного») немислимо без воспитания волевых качеств слушателей.

В самом деле, проще всего всё «списать» на отсутствие грамматических параллелей или наличие паронимов, о которых говорилось выше. Более того, нередки случаи, когда слушатели выступают с критикой самого факта наличия церковнославянского языка в отечественной культуре, который должен быть заменен на «всем понятный» русский.

Однако церковнославянский язык отличается от обыденной речи возвышенным стилем и витиеватостью слога, особой выразительностью и символизмом передаваемых с его помощью вероучительных истин, которые предназначены для всеобщего духовного просвещения. Буквальное переложение стихир и тропарей на русский язык лишает их глубинных смыслов и приводит к утрате апостольской преемственности и опоры на святоотеческое вероучение, вследствие чего Церковь превращается в один из социальных институтов.

Таким образом, «лучше» от «*русификации*» богослужения не станет никому: ни священнослужителям, ни чтецам, ни певцам, ни мирянам. Напротив, произойдет катастрофическая деградация церковной жизни, частным случаем которой можно назвать «обеднение» духовно-вероучительного содержания смысла песнопений в частности и всей церковной жизни в целом. Достаточно сравнить начало ирмоса 1-й песни канона Честному и Животворящему Кресту Господню и его дословный перевод на русский язык: «Отверзу уста моя и наполнятся духа...» и «Открою рот мой, и наполнится воздухом...».

Заключение

Итак, без приложения определенных усилий тщетно овладение любым церковным предметом, начиная с практических навыков осознанного поведения в храме и заканчивая пониманием глубинных богословских смыслов богослужебных текстов.

Вместе с тем, любой интерпретатор не должен забывать о глубокой связи между *содержанием вероучения и образом жизни человека, который считает, что занимается теологией*: любое, самое минимальное, искажение богословского вероучения влечет за собой изменение духовной жизни. Ярким примером тому может быть учение о филиокве, создав которое Римо-католическая церковь разорвала связи со Вселенской Церковью, что в дальнейшем привело к духовной деградации общественной жизни на Западе.

И наоборот: только через воцерковление и ведение правильной духовной жизни возможно подлинное богословие, а соответственно и понимание подлинного, глубинного смысла богослужебных текстов! Ни один священник или мирянин, который берется истолковывать или переводить церковные тексты (перевод, повторимся, есть частный случай межязыковой и межкультурной интерпретации), не должен уклоняться в оправдание собственных богословских взглядов, прикрываясь действительно важной проблемой — непонятностью отдельных мест богослужебных текстов. Совсем не обязательно при этом «пересматривать» Предание Церкви, отбирая — часто весьма произвольно — сложные для понимания и потому нуждающиеся в обновлении (обновлении, а не пояснении!) фрагменты текста.

К чему это может привести, мы хорошо знаем на примере деятельности последователей отца Георгия Кочеткова и других модернистов, которая, несмотря на давние богословские обличения этого церковного движения в ереси (см., к примеру, сборник 2000 года «Суд им давно готов (2 Пет. 2: 3)»²⁵), имеет прочные корни и может быть губительна для новоначальных христиан.

25 Суд им давно готов (2 Пет. 2: 3). О вероучении священника Георгия Кочеткова. М.: ПСТБИ, 2000. 184 с.

Источники

- Библия на церковнославянском языке с параллельными местами. Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993. 1658 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во: Духовное преобразование, 2022. 1184 с.
- Канонник. М.: Учреждение культуры, искусства, науки и образования «Духовное преобразование», 2011. 416 с.
- Молитвослов. М.: Благовест, 2012. 448 с.
- Служебник. Минск: Свято-Елисаветинский женский монастырь, 2015. 592 с.
- Часослов. М.: Синопись, 2021. 256 с.
- Ловягин Е. И.* Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках [Репринтное издание 1861 г.]. М.: Практика, 2015. 241 с.
- Толстой Л. Н.* Соединение и перевод четырех Евангелий // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Серия первая: Произведения. Т. 24. Произведения 1880–1884 гг. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. С. 5–798.

Справочная литература

- Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. [Репринт 5-го изд. 1899 г.] М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 1371 с.
- Древнегреческо-русский словарь : Около 70000 слов. В 2 т. / Сост. И. Х. Дворецкий; Под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР проф. С. И. Соболевского; С прил. грамматики, сост. С. И. Соболевским. — Москва : ГИС, 1958. 1904 с.
- Дьяченко Г., прот.* Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). [Репринтное издание 1900 г.] М.: Отчий дом, 2002. 1120 с.
- Свирилин А., прот.* Церковнославянский словарь. М.: ДАРЪ, 2008. 384 с.
- Седакова О. А.* Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. 432 с.

Литература

- Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на Евангелие от Матфея. В 2 книгах. Книга 1. М.: Сибирская Благовонница, 2010.
- Иоанн Сергиев, прот.* О еретичестве графа Льва Толстого. СПб.: Отечественная тип., 1908. 32 с.
- Алфеев П. И., прот.* Критический разбор Толстовского Евангелия / Под ред. К. К. Остроумова. Рязань: Тип. Братства св. Василия, 1916. 279 с.

- Антоний (Храповицкий), архим.* Беседы о превосходстве Православного понимания Евангелия сравнительно с учением Л. Н. Толстого. Изд. 2-е. СПб., 1891. 48 с.
- Ардов М., прот.* Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2013. 376 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1983. 269 с.
- Виноградов В. С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. 172 с.
- Грибоедов А. С.* Горе от ума // Русская драматургия XIX века / Сост., автор примеч. С. К. Никулин. М.: Современник, 1988. С. 5–104.
- Кураев А. В.* «Мастер и Маргарита»: За Христа или против? 3-е изд., доп. и перераб. М.: Проспект, 2016. 272 с.
- Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под ред. проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 10–13.
- Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Лосский В. Н. Богосвидение / Пер. с фр. В. А. Решиковой, сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. М.: АСТ, 2006. С. 110–308.
- Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2006. 206 с.
- Соболевский С. И.* Граф Л. Н. Толстой как переводчик-истолкователь Св. Евангелия // Странник. 1909. Февраль. С. 184–191.
- Суд им давно готов (2 Пет. 2: 3).* О вероучении священника Георгия Кочеткова. М.: ПСТБИ, 2000. 184 с.
- Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви.* Сборник / Сост. Н. Каверин. М.: Русский Хронограф, 2012. 288 с.
- Шиманский Г. И.* Наставление церковному чтецу о том, как читать в храме. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 16 с.